

DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202

EDN: ETHFJQ

Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе*

И.В. Троцук^{1, 2, 3}, А.Н. Дурсина⁴

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия

³Высшая школа экономики,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

⁴АНО «Диалог»,
ул. Тимура Фрунзе, 11, стр. 1, Москва, 119021, Россия

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; anevrova29@yandex.ru)

Аннотация. В современном информационном обществе государство не просто стремится, но зачастую вынуждено выстраивать диалог с гражданами в онлайн-пространстве — посредством сайтов, порталов, приложений и социальных сетей, которые стали неотъемлемой частью повседневной жизни. Личные обращения к чиновникам переводятся в онлайн-формат — вместо часов ожидания в учреждениях мы быстро заполняем специальные формы в «электронных приемных», что порождает новые формы диалога между органами власти и населением, способствуя развитию и совершенствованию каналов коммуникации заинтересованных субъектов на всех уровнях социального управления. Специальные сервисы и приложения позволяют получать государственные услуги в удаленном режиме, задавать вопросы представителям власти, оставлять жалобы, голосовать за предлагаемые решения и т.д. В рамках российского электронного правительства осуществляется переход к модели открытого государства, призванный развивать доверительные отношения власти и общества, однако у быстрых технологических новшеств есть и обратная сторона: рост цифрового неравенства, технические сбои, заметный отрыв ряда регионов по уровню внедрения государственных услуг (прежде всего, городов-миллионников, особенно Москвы). Государство нацелено на реализацию масштабных проектов цифровизации, которые позволят не только повысить качество жизни и доступность государственных услуг, но и развивать диалог с населением, поэтому, с одной стороны, государству необходимо выявлять актуальные запросы и реальные коммуникативно-технологические возможности населения; с другой стороны, и оно нуждается в эффективных формах взаимодействия с государственным аппаратом; причем в обоих случаях востребованы социологические методики (массовые опросы, фокус-группы, контент-анализ медиасреды), учитывающие темпы развития коммуникативно-

---

*© Троцук И.В., Дурсина А.Н., 2025

Статья поступила в редакцию 15.09.2023. Статья принята к публикации 14.06.2024.

технологических процессов в разных регионах и на разных уровнях государственной власти. В статье обозначены основные аспекты (коммуникативный, технический и социальный) социологического анализа нынешних тенденций цифровизации диалога населения с государством в современном российском обществе.

Ключевые слова: социальная коммуникация; социологический подход; население; органы власти; государство; цифровизация; информационное общество; электронные услуги

Для цитирования: *Троцук И.В., Дурсина А.Н.* Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182–202. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>

Специфику социологического подхода к изучению коммуникации составляет фокус на ее социальном измерении — обмене информацией и мнениями в разных ситуациях и на разных уровнях общения в интересах формирования и поддержания социальных отношений и социальных структур. В каждой сфере жизни (работа, общение, образование, политика и т.д.) существуют свои особенности коммуникации [60], но ее социальное измерение включает в себя все виды общения в социальной среде (установление контакта, формирование связей, разрешение конфликтов и т.д.), поэтому выделяют следующие функции социальной коммуникации: информационную (получение информации об окружающей действительности и других людях, понимание их мнений и идей); регулятивную (регулирование взаимодействия людей и их поведения в различных ситуациях в целях определения границ и норм социально допустимого поведения); аффективную (выражение эмоций и чувств, понимание эмоционального состояния других людей); мотивационную (стимулирование и мотивирование на определенные действия); экспрессивную (выражение индивидуальности, идентичности, интересов и предпочтений); рефлексивную (возможность анализировать и осознавать свои мысли и действия, учитывая опыт других людей). Социальная коммуникация имеет ряд особенностей, которые выделяют ее среди других видов коммуникации: многообразие форм (устная и письменная, вербальная и невербальная); сложность (языковые, социально-культурные, психологические и прочие аспекты); взаимность (двусторонний процесс, где каждый участник играет определенную роль); неопределенность (общение зависит от множества факторов — личности участников, их эмоциональное состояние и т.д.); контекстуальность (культурные, социальные, политические, экономические и другие факторы); символизм (языковые, знаковые, графические и другие символы для передачи информации и создания значений).

Несмотря на то, что коммуникация представлена во всех сферах жизни, наблюдаются некоторые отличия в ее функционировании в разных средах. Например, политическая коммуникация используется, чтобы влиять на мнение и поведение граждан, обеспечивая достижение политических целей, основана на взаимодействии политических лидеров/групп и организаций

с гражданами, имеет специфические особенности (особые термины и концепции, связанные с политикой, технологии для распространения и т.д.). Иными словами, политическая коммуникация отличается особыми целями, способами их достижения, формами передачи и паттернами взаимодействия между участниками, причем каждое общество имеет свои культурные и исторические факторы, определяющие характер и содержание политической коммуникации как инструмента выражения интересов разных социальных групп. Современные технологии (Интернет, социальные сети и мобильные устройства) изменили политическую коммуникацию, предоставив новые возможности для взаимодействия ее участников в интересах формирования, поддержки, изменения или разрушения политических ценностей, установок и убеждений [22].

Основная функция политической коммуникации — обеспечение распространения и передачи политической информации (опубликование государственных решений, ознакомление с государственной политикой и политическими событиями посредством СМИ и публичных государственных каналов [6]) между элементами политической системы (политическими деятелями и партиями, общественными организациями и государственными институтами [25; 29; 31]). Функции (информационная, легитимизирующая, регулятивная, интегративная, контролирующая и репрезентативная) политической коммуникации определяют ее каналы — СМИ (общие — телевидение, пресса, Интернет — и специализированные каналы) и другие структуры связи с населением (например, общественные советы), причем не всегда преследующей прямо/открыто политические цели (принятие законов, поддержание политических процессов и легитимности власти, утверждение ценностей и интересов политических групп) [21; 47].

В широком смысле коммуникация в политической сфере призвана обеспечивать обмен информацией для достижения общественного согласия/консенсуса [18; 58]. Однако различаются исследовательские акценты в изучении соответствующих коммуникативных практик и процессов: так, институциональный подход сосредоточен на изучении политических институтов и их влияния на формирование политической системы (определяют ее структуру и правила игры [32; 59]); культурологический подход — на анализе культурных ценностей и символов, влияющих на политические процессы (формирование политической системы и взаимодействие ее участников; в частности, чтобы избежать негативных последствий цифровизации и автоматизации, или четвертой промышленной революции [57], необходимо активное участие государственных и корпоративных лидеров, а также гражданского общества); политологический подход — на понимании политических процессов и институтов через призму права и законодательства, структур управления и принятия решений (принципы и методы принятия решений, механизмы их реализации [19; 62]).

Традиционные определения политического [2; 4; 28; 50] сводят его к событиям, отношениям и взаимодействиям, что связаны с борьбой за власть, ее сохранение, укрепление и использование или, напротив, с противодействием всему перечисленному (процесс взаимодействия субъектов политики (государственные органы, политические партии, корпорации, политические лидеры, общественные организации), реализующих свои потребности и интересы с помощью власти), т.е. не рассматривают особенности коммуникативного взаимодействия субъектов политики с учетом реализации политических норм (в частности, это публичность деятельности, взглядов и ценностей субъектов). Социологический подход к пониманию коммуникационных процессов в политической сфере предполагает акцент на механизме обратной связи — как позволяющем более полно исследовать природу коммуникации и определять место и роль ее участников в социальной системе [15; 45; 49]. Коммуникация обретает политический характер, если оказывает непосредственное или опосредованное влияние на политику или касается сферы государственных отношений, т.е. политическая коммуникация — это целенаправленная передача и избирательный прием информации, без которой невозможно формирование, поддержание и развитие политического процесса [12], создание, трансляция и оборот политической информации (сведения, взгляды и мнения, в официальной письменной форме — законах, референдумах, реформах — или неофициальной — митинги, дебаты и т.д.) для постоянного обмена «данными», даже если такой обмен имеет ситуативно обусловленный характер. Ситуативность объясняется тем, что политическая система представляет собой и совокупность политических позиций (может меняться), и совокупность способов реагирования на политические ситуации (могут меняться как сами ситуации, так и их количество, тип и характер) с учетом множественности интересов политических субъектов. Важнейшим аспектом политической коммуникации считается формирование и поддержание устойчивых социальных представлений за счет создания и управления информационными потоками в интересах обеспечения, поддержания или усиления легитимности действующего социального порядка.

Собственно и к изучению политической коммуникации можно выделить несколько подходов, хотя все они основаны на понятии функции. Так, системный подход сосредоточен на функциях коммуникации в политической системе, в частности мобилизации (привлечение людей к участию в политической жизни, активизации их политической активности), легитимизации (установление и поддержание легитимности политической власти, представление действий правительства в положительном свете и поддержка общественного доверия к власти), социализации (передача ценностей, норм и знаний, необходимых для политического участия и социальной адаптации) и координации (согласование действий в политической сфере, обеспечение сотрудничества и координации усилий), причем важно не только содержание

сообщений, но и средства, с помощью которых они передаются, оказывают влияние на общественное сознание и поведение («среда» политической коммуникации) [30]. Структурно-функциональный подход видит в политической коммуникации неотъемлемую часть политической системы (структура взаимосвязанных элементов с определенными функциями [35; 42]), обеспечивающую функционирование этих институтов (объединение и выражение групповых политических интересов, обмен информацией между политическими институтами [6; 39]). Неомарксистский подход [33; 54] характеризует политическую коммуникацию как, прежде всего, инструмент идеологического контроля масс (СМИ, контролируемые правящей элитой, формируют и распространяют те идеологические, культурные и ценностные концепции, что необходимы для поддержания стабильности капиталистической системы и лояльности общественного мнения). Технологический подход исследует технологические трансформации (каналов) политических коммуникаций, посредством которых генерируются и распространяются определенные массовые культурные коды и модели [20]. Коммуникативный подход сосредоточен на изучении либо модели информационного воздействия на общество (например, СМИ формируют общественное сознание не напрямую, а через интерпретацию контента лидерами общественного мнения, которые распространяют интерпретированные смыслы и мнения среди аудитории), либо на аспектах коммуникативного влияния и неравенства (политическая власть основана не только на физической и экономической силе, но и на контроле над смыслами и символами [3] — отсюда власть, основанная на коммуникации, и административная власть, чья легитимность обеспечивается управлением коммуникацией [52]).

Иными словами, цифровизация не меняет суть/функционал политической коммуникации, а повышает ее скорость и эффективность на фоне сохранения ее принципиальных характеристик — гомогенность политической информации (идентична во всех каналах коммуникации), мобильность (способность быстро распространяться, широкая доступность в разных местах и форматах), достаточный объем (для всех участников политической среды) и направленность (односторонние или двусторонние, предполагающие обратную связь, системы взаимодействия), а также важнейших функций: передача политического опыта (подготовка кадров в политике, повышение качества принимаемых решений за счет обмена знаниями и опытом [34]), обеспечение политической социализации (усвоение ценностей и навыков, необходимых для участия в политической жизни) и социальная адаптация политических решений (как общество усваивает и принимает политические решения [16]).

С социологической точки зрения в контексте цифровизации наиболее интересна функция адаптации политических решений, т.е. информирование о политических решениях конкретных людей, групп и сообществ. Безусловно, данный механизм используется преимущественно во взаимодей-

ствии государства с населением — передача социально-значимых сведений является одной из важнейших функций государственных органов. Такие сообщения могут выглядеть как констатации фактов, вызывающих интерес адресанта (статистические сведения об эффективности управленческих решений), или как разъяснение смысла событий (целесообразность реформ и других государственных решений). Инициатором сообщений (коммуникатором), как правило, выступает лидер (глава государства, руководитель органа власти, лидер «из народа») или политическая организация (НКО, партия), поэтому политическая коммуникация чаще представлена как вертикально-нисходящая [44] (благодаря СМИ), однако необходима и обратная связь — как механизм адаптации деятельности государственных органов к целям, интересам и потребностям населения [24; 38], что обеспечивает своего рода его «диалог» с государством (благодаря опросам общественного мнения).

В данном случае нет смысла уточнять трактовки общественного мнения: идет ли речь о государственных элитах, которые в той или иной степени опираются на некое коллективное неконкретное мнение (обобщенные идеи, социальные стереотипы, коллективные представления) [48], о совокупности волнующих определенные социальные группы вопросов [9] или же о повестке критической оппозиционной направленности, которую формулируют наиболее активные в информационном и политическом плане индивиды и их объединения [10; 14]. Главное, что политические субъекты (по крайней мере декларативно) стали признавать, что для государственного управления могут быть важны потребности и интересы социальных групп, поэтому участие граждан в политической коммуникации стало считаться необходимым не только для обеспечения демократичности социальной системы, но и для корректировки управленческих решений в соответствии с коллективными представлениями, массовыми ожиданиями и групповыми запросами.

Изучение диалога населения и государства — актуальная проблематика для российских исследователей. Одни авторы считают, что общественное сознание в значительной степени структурируется посредством воздействия СМИ, которые формируют систему мнений, установок и стереотипов, тем самым задавая реакции, оценки и поведенческие модели массовой аудитории. Другие авторы полагают, что политическая коммуникация создает социально-информационное пространство для обмена и передачи политической информации, а эти процессы влияют на структурирование политической деятельности и придают ей новые значения и смыслы. Массовые коммуникации становятся неотъемлемой частью политики, обеспечивая опосредованные формы общения и связи между субъектами власти, а также между государством и гражданским обществом. Третьи авторы используют понятие «режимы взаимодействия власти и населения», понимая под взаимодействием «обобщенную характеристику меры реальной включенности общественного мнения в принятие политических решений» [7. С. 60].

С одной стороны, институты власти конституируют социальную роль любого феномена через его включение и определение в системе законодательства, с другой стороны, в ходе реализации конкретных политических мер общественное мнение в той или иной мере допускается/вовлекается в сферу принятия решений.

Соответственно, используются разные режимы взаимодействия власти и населения [7]: подавление общественного мнения властными структурами (жесткий прессинг со стороны институтов власти; общественное мнение имеет исключительно формально-номинальный характер без практического выражения); игнорирование общественного мнения (своего рода отстранение власти — массовые заинтересованные оценочно-ценностные суждения и волевые проявления как бы выносятся за скобки политического процесса, не пересекаясь с пространством государственного управления); патернализм (элементы демократичного представительства интересов разных социальных групп и слоев в структуре власти и управления); сотрудничество (демократичность электоральных институтов, широкий спектр правовых гарантий действенности общественного мнения, равноправие в дискуссиях власти и общественности); давление на институты власти и управления (через сеть институтов его изучения и представительства); диктатура общественного мнения (крайняя слабость всех властных структур). На основе этой типологии можно отследить формирование тренда на переход от модели игнорирования властью общественного мнения к диалогическому типу взаимодействия с ним, т.е. наряду с манипулятивными медийными инструментами в информационном пространстве оформляются дискуссионные площадки между общественностью и властью, а также области и стратегии реагирования властных институтов на массовые оценки и рекомендации общественности, причем этот тренд усиливается по мере нарастания масштабов цифровизации, обеспечивающей, в первую очередь, открытость/публичность системы политического взаимодействия между государством и обществом в интересах ее устойчивости.

Фактически в политической системе начинает доминировать информационно-коммуникационный механизм, состоящий из четырех блоков: получение и отбор информации; обработка и оценка информации; принятие решений; осуществление решений с опорой на механизм обратной связи [56; 63]. Тем самым обеспечивается непрерывный обмен информацией между индивидами и группами на всех уровнях социального управления, что гарантирует согласие между управляющими и управляемыми [58]. Этот обмен осуществляется посредством множества каналов коммуникации, но в последние десятилетия наиболее активно развиваются именно цифровые — официальные онлайн форматы обратной связи и неформальные каналы (слухи, анекдоты, мемы и пр.) [5; 40], что отражает запрос субъектов публичной политики не на односторонние акты информирования, а на кана-

лы устойчивой обратной связи, что предполагает почти равноправный обмен точными, полными и проверяемыми сведениями.

В России в советский и постсоветский периоды характер общения власти с обществом не отвечал критериям партнерства/диалога, а представлял собой скорее монолог государства-коммуникатора («сверху вниз» спускались законы, указы, постановления и распоряжения без использования механизма обратной связи) [15], хотя формирование открытых и доверительных взаимоотношений государства и общества предполагает поддержание между ними постоянного диалога. В противном случае граждане будут вовлекаться в другие политические механизмы, которые, пусть даже чисто декларативно (в оппозиционных или мошеннических целях), разделяют их интересы и проблемы [11]. В последние годы однонаправленный характер политической коммуникации в российской действительности стал меняться — наблюдается тенденция к развитию двусторонней системы диалога (пусть нередко декларативно) прежде всего, благодаря широкомасштабной цифровизации. Несмотря на то, что каналы связи населения с государством не всегда эффективны (о чем свидетельствуют, например, формальные отписки в ответ на жалобы и обращения через многочисленные «электронные приемные» официальных структур), говорить об отсутствии заинтересованности в диалоге со стороны «власть предержащих» неправильно. Скорее речь идет о необходимости помощи органам власти в выстраивании действенного общения с гражданами, и важную роль здесь играют социологи, выступая связующим звеном между обществом и властными структурами, изучая общественное мнение и социальные проблемы, адаптируя управленческие решения к социокультурным реалиям, оценивая общий социально-политический фон.

Сегодня государство стремится к выстраиванию диалога с гражданами в медиaprостранстве — посредством собственных интернет-ресурсов и социальных сетей, которые стали неотъемлемой частью жизни современного россиянина (по крайней мере в крупных городах, особенно в Москве). Личные обращения к чиновникам и очереди в их приемных уходят на второй план — на смену им приходит оперативное общение на форумах и страницах органов власти в онлайн-среде [41. С. 21]. Интернет используется для развития диалога между государством и обществом на всех уровнях социального управления, в том числе органами региональной и местной власти. В первую очередь, такой диалог обеспечивается прямым участием граждан в решении социальных проблем с помощью современных каналов коммуникации — в наиболее значимых для населения сферах (здравоохранение, образование, транспорт, благоустройство, жилищно-коммунальное хозяйство). В рамках Федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика» данные форматы взаимодействия получили развитие в виде сервисов и приложений, которые не только позволяют получать государственные услуги в удаленном режиме,

но и задавать вопросы представителям власти, оставлять жалобы, голосовать за предлагаемые решения [36]. Благодаря подобным формам разрабатываются меры и реформы, актуальные для населения конкретных районов и городов. Развиваются формы обратной связи на сайтах государственных структур и в аккаунтах органов власти в социальных сетях, создаются специальные площадки для получения информации по волнующим население темам — электронные порталы «Добродел», «Активный гражданин» и др.

Рассмотрим достоинства и ограничения онлайн-коммуникации государства с обществом на примере одной из относительно новых форм такого взаимодействия в онлайн-пространстве в России — системы дистанционного электронного голосования (ДЭГ), экспериментальной (с технической точки зрения) формы волеизъявления граждан. Оно проводится в нескольких субъектах страны и выступает в качестве дополнения привычной очной формы голосования — на избирательном участке, с урнами и бюллетенями. Дистанционный электронный формат голосования был законодательно закреплен Федеральным законом № 154-ФЗ от 23 мая 2020 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому «дистанционное электронное голосование — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения».

Популярность идеи электронного голосования обусловлена удобством и простотой волеизъявления, поскольку такой формат предоставляет гражданам возможность сделать выбор независимо от местонахождения. Актуальность ДЭГ существенно возросла в период пандемии коронавируса — когда основные общественные трансформации были связаны с повсеместным вынужденным внедрением коммуникаций в режиме онлайн, т.е. с использованием средств удаленного доступа. С началом пандемии ДЭГ стало позиционироваться не только как интересное инновационное явление, но и как способ обеспечения безопасности избирателей в условиях бушующей пандемии. Помимо очевидных мер противодействия заболеваемости, дистанционные выборы упрощают реализацию избирательных процедур и экономят время [54; 55]: полученные данные агрегируются быстрее, сокращается число использованных ресурсов, охватываются удаленные населенные пункты и немобильные категории граждан, которым не нужно лично приходить на избирательный участок, можно проголосовать в любое время суток и т.д.

В 2021 году ДЭГ было проведено в Курской, Нижегородской, Мурманской и Ростовской областях, а также в городах федерального значения — Москве и Севастополе. Отдать свой голос в онлайн-режиме на тот момент решились более 2,5 млн российских граждан, две трети из которых — жители Москвы [13. С. 45]. Наибольшую популярность дистанционный формат получил среди россиян среднего возраста: по данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, на выборах 2021 года пода-

вляющее большинство участников ДЭГ (практически 60 %) — пользователи онлайн-ресурсов в возрасте от 35 до 60 лет; каждый четвертый участник ДЭГ — в возрасте 25–35 лет; каждый десятый — старше 60 лет, а доля пользователей в возрасте до 25 лет, голосовавших дистанционно, составила 7%. В 2022 году система ДЭГ применялась уже в семи регионах: Калининградской, Калужской, Курской, Новгородской, Псковской, Томской и Ярославской областях, а также на муниципальных выборах в Москве. По данным Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, проголосовали более 86 % граждан, зарегистрированных для участия в ДЭГ: всего в списки было включено 110 тысяч избирателей, подавших соответствующее заявление через портал Госуслуг, и свыше 95 тысяч проголосовали. Новые возможности системы позволили впервые провести голосование с учетом разных часовых поясов. В рамках голосования использовалась система «Мобильный избиратель» — граждане могли проголосовать на удобном избирательном участке, по месту фактического нахождения, а не по месту постоянной или временной регистрации.

Безусловно, ДЭГ обладает рядом преимуществ перед традиционным форматом голосования: в первую очередь, ДЭГ снимает необходимость посещения избирательного участка, что значительно экономит время — голосование посредством гаджетов занимает всего несколько минут и может быть осуществлено в любое удобное человеку время, что особенно важно для работающих и маломобильных граждан. Второй позитивный фактор — территориальный: несмотря на то, что с 2018 года в России была введена возможность выбора ближайшего пункта голосования, ДЭГ вообще не требует привязки к определенному почтовому адресу. Третий фактор — исключение влияния третьих лиц на избирателей и результаты голосования: электронные бюллетени, в отличие от бумажных, не будут искажены или сфальсифицированы на стационарном избирательном участке. Кроме того, электронный формат повышает эффективность организации голосования: посредством ДЭГ можно легко провести выборы в труднодоступных и отдаленных населенных пунктах, если их жители могут проголосовать дистанционно.

Доверие российских избирателей к ДЭГ стало одной из главных причин принять участие в выборах посредством данного инструмента. По данным ВЦИОМ, в 2020 году, выбирая между разными способами голосования, 51 % опрошенных проголосовали бы на выборах через Интернет, если бы им представилась такая возможность, а 46 % не стали бы голосовать таким способом, потому что отдадут предпочтение традиционному очному способу волеизъявления, при этом 23 % выбрали бы электронное голосование. Основная причина недоверия к системе ДЭГ — предположение о возможности умышленных манипуляций и мошенничества (60 % сторонников традиционного формата голосования), реже упоминались техническая ненадежность системы ДЭГ и отсутствие уверенности в сохранении тайны голосования [43]. По данным

за 2022 год, 85 % избирателей знают о существовании такой формы голосования; 51 % относятся к возможности проголосовать через Интернет позитивно, 35 % — критически, 19 % — индифферентно; сторонников у трехдневного голосования больше, чем противников (47 % против 22 %).

В целом сохранение тайны голосования остается одним из главных технических и этических вопросов в ходе внедрения ДЭГ. Электронные выборы неразрывно связаны с использованием онлайн-технологий, поэтому высока вероятность нарушения принципа тайного голосования вследствие технических сбоев системы и кибератак [13. С. 48]. В частности, возникает вопрос о легитимности итогов голосования: в ходе ДЭГ граждане не могут убедиться в том, что их онлайн-голос действительно принят, в то время как бумажный бюллетень избиратель лично опускает в урну. Поддержание социально-политической стабильности и повышение эффективности политической системы в современных условиях требует информационной открытости, гарантий безопасности данных и действенных механизмов обратной связи — без них повторение опыта дистанционных выборов, но уже в масштабах всей страны, может обострить негативные настроения в обществе и усилить недоверие граждан к властным структурам.

Один из источников социальной напряженности — закрытый доступ к системе ДЭГ: на данный момент в нем могут принимать участие только жители определенных субъектов Российской Федерации; важен и фактор наличия технических возможностей у избирателей (гаджеты, интернет-соединение). Своего рода эксклюзивный характер дистанционного голосования может привести к снижению интереса к данному механизму. Открытость и доступность — важные особенности взаимодействия населения с государственным аппаратом, и применительно к ДЭГ следует уделить особое внимание внешним и внутренним условиям такого взаимодействия. Развитие технически инновационного способа волеизъявления без создания равных условий и гарантий для участия в нем может отразиться на гражданской инициативе, вызвав чувство дискриминации при реализации избирательного права и недоверие к выборной системе в целом [27. С. 32]. Причем технологические недоработки существенно подрывают надежность подобной формы взаимодействия государства и общества — скептическое отношение к выборной системе усугубляется недоверием к электронным технологиям.

В нынешних условиях возможны два варианта решения сложившихся проблем [37; 51]. Во-первых, отказ от системы электронного голосования в пользу традиционных избирательных механизмов. Хотя система ДЭГ используется лишь в некоторых странах (например, в Эстонии, Швейцарии, Великобритании — в качестве дополнительного этапа выборов [54. С. 30]), онлайн-электоральная демократия все же представляется неотъемлемой частью нашего будущего. Государства стремятся к созданию электронных правительств и развитию диалога с гражданами в интернет-пространстве,

научно-технический прогресс определяет неизбежность повсеместного внедрения онлайн-систем, и формат электронного голосования становится удобным и доступным. К тому же интернет-пространство превращается в популярную площадку гражданской активности, поэтому дистанционное голосование отразится и на желании участвовать в выборах. Однако ДЭГ должно стать не просто дополнительным способом сбора голосов, а особой формой волеизъявления, новой ветвью взаимодействия с электоральной аудиторией. Поскольку принципиальный отказ от электронного голосования не выглядит успешным решением описанных выше проблем, следует сосредоточиться на втором пути — повышении информированности населения, указывая на привлекательность новой системы голосования — простоту, удобство, экономию времени.

Несмотря на позитивные тенденции в обеспечении доверительного и доступного диалога государства и населения, в политической онлайн-коммуникации существуют и серьезные ограничения. Они могут быть обусловлены техническими проблемами (интернет-соединения или подключения к онлайн-платформам), недостаточным информационным сопровождением (низкая степень осведомленности граждан о существующих механизмах взаимодействия), низкой результативностью (игнорирование предложений и обращений граждан) и т.д., поэтому необходим регулярный мониторинг степени удовлетворенности населения онлайн-взаимодействием с управленческим аппаратом и популярности площадок, создаваемых для реализации открытого диалога, чтобы адаптировать коммуникативные формы к новым социальным вызовам и запросам граждан. Обеспечить эффективность такого мониторинга может сочетание следующих видов исследований диалога населения и государства в цифровом формате: опросы общественного мнения в онлайн [4] и оффлайн [46] форматах (в том числе фокус-группы [23; 61]); изучение государственных коммуникационных стратегий (например, система обратной связи в регионах обрела общегосударственный характер за счет создания так называемых «центров управления регионом» (ЦУРов), которые стали связующим звеном между гражданами и государственным аппаратом, осуществляя, согласно Постановлению Правительства России от 16 ноября 2020 года № 1844, «координацию работ по мониторингу и обработке всех видов обращений и сообщений граждан, поступающих в органы и организации... а также публикуемых гражданами и юридическими лицами в общедоступном виде в социальных сетях, мессенджерах, иных средствах электронной массовой коммуникации»; цифровых платформ обратной связи, в частности «Госуслуги. Решаем вместе»; открытого правительства в интернет-пространстве, а именно обязательное ведение органами власти официальных страниц в социальных сетях для публикации актуальной информации о своей деятельности [17. С. 256]); оценка технических возможностей коммуникации государства и общества

(например, так называемые «платформенные исследования», призванные оценивать, как цифровые сетевые платформы создают условия для объединения концепций электронного правительства и электронной демократии, способствуют развитию гражданского участия в делах государства и повышению качества государственных услуг; в России пользование госуслугами ежегодно отслеживает Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, но проводятся и региональные исследования доступности порталов [26]; постепенно внедряется юзабилити-тестирование — когда пользователи самостоятельно осваивают возможности платформ и описывают свой опыт, т.е. моделируются интересные для изучения ситуации взаимодействия в своего рода «лабораторных» условиях).

Таким образом, сегодня политические интернет-коммуникации постепенно превращаются в многоступенчатую систему — с разными функциональными возможностями, правилами коммуникации и форматами оказания услуг. Оценка эффективности взаимодействия государства с обществом в Интернете предполагает не только изучение технических возможностей и доступности сведений, но и анализ удовлетворенности населения складывающимся диалогом с властью. В России АНО «Диалог» составляет рейтинги федеральных органов власти по критерию их работы в Интернете по трем основным направлениям: официальные паблики (ведение социальных сетей, работа с комментариями, качество контента и уровень вовлеченности аудитории), собственные проекты (использование ресурсов внешних партнеров и коллаборации с ними, создание медиапроектов), планирование контента (планирование, глубина и качество проработки контент-плана). По итогам оценки в ведомства направляются стратегии развития с указанием сильных и слабых сторон.

Однако диалог между государством и населением невозможно описать всего несколькими параметрами или сведя эффективность к уровню доверия к органам власти — необходим комплекс индикаторов, учитывающий условия взаимодействия (виды и форматы коммуникации), способы (каналы) и структуру коммуникации (результаты). При разработке программы исследования необходимо сначала определить тип изучаемых площадок, возможные запросы населения к органам власти на данной платформе, способы коммуникации и предоставляемые платформой возможности. Применительно к оценке эффективности диалога власти с населением в качестве основных эмпирических индикаторов могут выступать: доступность — насколько доступны государственные органы для общения с населением, есть ли механизмы онлайн-коммуникаций; удобство — насколько онлайн-площадки государственных органов приспособлены к потребностям и возможностям населения; простота/понятность — сможет ли гражданин сформировать и отправить свой электронный запрос; публичность — получение информации о решениях государственных и му-

ниципальных органов, получение доступа к данным о работе государственных и муниципальных органов; производительность — насколько эффективен диалог с точки зрения достижения целей (передачи сообщения или получения обратной связи); востребованность — насколько популярны механизмы онлайн-взаимодействия с государственным аппаратом, насколько учитываются интересы всех слоев населения.

Поскольку государство стремится максимально перевести коммуникации с населением в онлайн-среду, необходимо их тщательное изучение для адаптации государственных решений и управленческих механизмов к особенностям интернет-пространства. Постоянный мониторинг хода реализации государственных программ, направленных на создание цифровой управленческой среды, важен для отчетности высших должностных лиц и технических специалистов, но этого недостаточно. Необходим и взгляд социологов — чтобы оценить траектории развития диалога, разработать модель социологической диагностики эффективности коммуникаций государства с населением и отслеживать представления населения о диалоге с властью: скажем, могут ли технические ограничения стать причиной недоверия к действующей системе онлайн-коммуникаций, в чем основные проблемы созданных каналов коммуникаций и как они должны меняться и т.д. Роль социолога в изучении диалога общества и государственных структур значительно больше, чем аналитическая и связующая, — скорее созидательная, прогностическая и преобразовательная.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Библиографический список

1. *Альтовский Е.В.* Небезопасные госуслуги // Защита информации. Инсайд. 2021. № 2.
2. *Арон Р.* Основные этапы развития социологической мысли. М., 1993.
3. *Бурдые П.* Социология политики. М., 1993.
4. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
5. *Веселов Ю.В., Скворцов Н.Г.* Доверие в эпоху цифровых трансформаций: опыт социологического исследования // Социологические исследования. 2021. № 6.
6. *Володенков С.В.* Политическая коммуникация как инструмент распределения власти в системе отношений государство — общество // Государственное управление. 2017. № 62.
7. *Гавра Д.П.* Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 4.
8. *Гаспарян А.А., Кудашова И.С., Мартыненко Т.В. и др.* Социальная коммуникация. М., 2017.
9. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004.
10. *Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М., 2003.
11. *Грачев М.Н.* «Электронная демократия»: возможности и угрозы // Интернет и современное общество. СПб., 2009.
12. *Грачев М.Н.* Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М., 2004.

13. *Гребняк О.В.* Опыт и перспективы внедрения электронного голосования в избирательную систему РФ // Третьи декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Вызовы пандемии, парламентские выборы и стратегическая повестка дня для общества и государства / Отв. ред. В.К. Левашов. М., 2022.
14. *Гришин О.Е., Гудошникова О.Е.* «Новые медиа» и СМИ как инструменты политической коммуникации: параметры эффективного функционирования // Вестник университета. 2015. № 6.
15. *Дзялошинский И.М.* Коммуникационные процессы в обществе: институты и субъекты. М., 2012.
16. *Ермаков В.Г.* Влияние политики цифровизации на развитие институтов гражданского общества в РФ // Среднерусский вестник общественных наук. 2020. № 1.
17. *Зотов В.В., Захаров В.М., Сапрыка В.А.* Цифровизация публичного управления: электронная демократия vs электронное правительство // Философия. Социология. Право. 2021. № 46.
18. *Ивлев С.В.* Социально-политические коммуникации в контексте идеологического дискурса // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2022. № 15.
19. *Ильин М.В.* Современные теории политики. М., 2014.
20. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург, 2004.
21. *Кисилев А.Г., Киричек П.Н.* Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2.
22. *Клепикова И.В.* Политическая коммуникация: сущность и основные аспекты изучения // Вестник СГЭУ. 2018. № 2.
23. *Климова С.Г., Климов И.А.* Взаимодействие горожан с властью: компетентное участие и проблема посредников // Социологические исследования. 2015. № 4.
24. *Ковров М.А.* Системный анализ сетевой политической коммуникации // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 6.
25. *Ковшов М.А.* Законодательная и представительная ветви власти с точки зрения сетевой политической коммуникации власти и общества // Общество: экономика, право. 2022. № 2.
26. *Костина Е.А., Костин А.В.* Барьеры использования сервисов обратной связи на муниципальном уровне // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. 2023. № 16.
27. *Курячая М.М.* Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 11.
28. *Лассуэлл Г.Д.* Гарнизонное государство // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. 2021. № 2.
29. *Лукин А.В.* Политическая коммуникация: сущность, функции, процессы // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2013. № 3.
30. *Маклюэн М.* Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры. К., 2004.
31. *Мальцева Е.В.* Политическая коммуникация: эволюция теоретических подходов и анализ их практической реализации // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 3.
32. *Мамонтов М.Ю.* Карл Шмит и его концепция политического // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2009. № 1.
33. *Маркузе Г.* Одномерный человек // Эрос и цивилизация. Одномерный человек. М., 2003.
34. *Мельников А.В.* Эффективная модель политической социализации молодежи // Власть. 2016. № 3.
35. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
36. *Москвитина Н.В.* Цифровая трансформация государственного управления // Социология. 2021. № 4.
37. *Набатникова Е.А.* ДЭГ в Российской Федерации // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2. № 1.

38. *Негуляев С.В.* Цифровизация технополитики совместного управления: кейс платформы «Госуслуги. Решаем вместе» // *Политика и общество*. 2022. № 2.
39. *Олейников С.С.* Эволюция представлений о сущности политических коммуникаций // *Право: история, теория, практика*. М., 2022.
40. *Осипова О.С., Багдасарова Р.А., Лукушин В.А.* Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества // *Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки*. 2021. № 11.
41. *Парма Р.В.* Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 6.
42. *Парсонс Т.* О социальных системах. М., 2002.
43. Пионеры интернет-выборов. 2020 // URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov>.
44. *Потехина Т.С.* Коммуникационный потенциал в государственном управлении // *Вопросы устойчивого развития общества*. 2019. № 1.
45. *Реутов Е.В., Брусненская Р.А.* Механизмы формирования обратной связи в региональном и муниципальном управлении // *Научные ведомости. БелГУ. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2010. № 7.
46. *Сулейманова Ш.С.* Политическая коммуникация в современном мире: роль и влияние // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2021. № 6.
47. *Тард Г.* Социальная логика. СПб., 1996.
48. *Тихонов А.В., Богданов В.С.* От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // *Социологические исследования*. 2020. № 1.
49. *Ушаков Е.В.* Концепция контекстуальности политических наук Г. Лассуэлла // *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. № 7.
50. *Федорук В.Д.* Перспективы применения системы дистанционного электронного голосования в России // *Цифровизация общества: состояние, проблемы, перспективы*. 2022. Т. 2.
51. *Хабермас Ю.* Философский спор вокруг идеи демократии (Лекция вторая) // *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. М., 1992.
52. *Хамутовская С.* Новые технологии голосования: зарубежный опыт // *Наука и инновации*. 2019. № 5.
53. *Хоркхаймер М., Адорно Т.* Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.–СПб., 1997.
54. *Цаплин А.Ю.* Перспективы дистанционного электронного голосования в России // *Известия Саратовского университета. Новая серия: Социология. Политология*. 2016. № 3.
55. *Шарков Ф.И.* Политическая коммуникация в современном информационном обществе // *Politbook*. 2012. № 2.
56. *Шваб К.* Глобализация 4.0. Новая архитектура для промышленной революции // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 1.
57. *Шварценберг Р.-Ж.* Политическая социология: в 3 ч. М., 1992. Ч. 1.
58. *Шмитт К.* Понятие политического. СПб., 2016.
59. *Шорыгина Е.Н.* Особенности социальной коммуникации в современном обществе // *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. 2019. № 4.
60. *Штриков С.А.* Электронные порталы исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент коммуникативного взаимодействия: результаты эмпирического исследования // *Управленческое консультирование*. 2020. № 3.
61. *Элиас Н.* Общество индивидов. М., 2001.
62. *Deutsch K.W.* The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. L., 1963.

Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population*

I.V. Trotsuk^{1,2,3}, A.N. Dursina⁴

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia,

³National Research University Higher School of Economics,

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

⁴ANO Dialogue,

Timura Frunze St., 11, bldg. 1, Moscow, 119021, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; anevrova29@yandex.ru)

Abstract. In the contemporary information society, the state not only strives for but is often forced to develop a dialogue with citizens in the online space — on websites, portals, apps and social networks that have become an integral part of our everyday life. Personal appeals to officials have become online — instead of spending hours in state institutions, we quickly fill out special forms in electronic “reception rooms”, which gives rise to new forms of dialogue between government bodies and citizens, contributing to the development and improvement of communication channels of interested parties at all levels of social management. Special services and apps allow us to receive government services remotely, ask questions to government representatives, leave complaints, vote for proposed solutions, etc. Within the Russian e-government model, a transition to an open state model is underway to develop trusting relations between the government and society, but rapid technological innovations also have a downside: the growth of digital inequality, technical failures, a noticeable gap between regions in the level of provided government services. The state aims at implementing large-scale digitalization projects that will not only improve the quality of life and availability of public services but also develop a dialogue with the population. Therefore, on the one hand, the state needs to identify requests and real communicative and technological capabilities of citizens; on the other hand, citizens need effective forms of interaction with the state; in both cases, sociological methods (mass surveys, focus groups, content analysis of the media) are in demand, taking into account the pace of communicative and technological processes in different regions and at different levels of government. The article outlines the main aspects (communicative, technical and social) of the sociological analysis of current trends in the digitalization of dialogue between the population and the state in the contemporary Russian society.

Key words: social communication; sociological approach; population; authorities; state; digitalization; information society; electronic services

For citation: Trotsuk I.V., Dursina A.N. Digital trend in the development of communication between Russia's authorities and population. *RUDN Journal of Sociology*. 2025; 25 (1): 182–202.

---

*© I.V. Trotsuk, A.N. Dursina, 2025

The article was submitted on 15.09.2023. The article was accepted on 14.06.2024.

(In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-1-182-202>

Funding

The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research program.

References

1. Altovsky E.V. Nebezopasnye gosuslugi [Unsafe government services]. *Zashchita Informatsii. Insayd*. 2021; 2. (In Russ.).
2. Aron R. *Osnovnye etapy razvitiya sotsiologicheskoy mysli* [Main Currents in Sociological Thought]. Moscow; 1993. (In Russ.).
3. Bourdieu P. *Sotsiologiya politiki* [Political Sociology]. Moscow; 1993. (In Russ.).
4. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
5. Veselov Yu.V., Skvortsov N.G. Doverie v epokhu tsifrovyykh transformatsiy: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Trust in the era of digital transformations: A sociological study]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 6. (In Russ.).
6. Volodenkov S.V. Politicheskaya kommunikatsiya kak instrument raspredeleniya vlasti v sisteme otnosheniy gosudarstvo-obshchestvo [Political communication as an instrument of power distribution in the system of state–society relations]. *Gosudarstvennoe Upravlenie*. 2017; 62. (In Russ.).
7. Gavra D.P. Obshchestvennoe mnenie i vlast: rezhimy i mekhanizmy vzaimodeistviya [Public opinion and power: Modes and mechanisms of interaction]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoi Antropologii*. 1998; 1 (4). (In Russ.).
8. Gasparyan A.A., Kudashova I.S., Martynenko T.V. i dr. *Sotsialnaya kommunikatsiya* [Social Communication]. Moscow; 2017. (In Russ.).
9. Giddens A. *Uskolzayushchy mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn* [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow; 2004. (In Russ.).
10. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2003. (In Russ.).
11. Grachev M.N. “Elektronnaya demokratiya”: vozmozhnosti i ugrozy [“Electronic democracy”: Opportunities and threats]. *Internet i sovremennoe obshchestvo*. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
12. Grachev M.N. *Politicheskaya kommunikatsiya: teoreticheskie kontseptsii, modeli, vektory razvitiya* [Political Communication: Theoretical Concepts, Models, Development Vectors]. Moscow; 2004. (In Russ.).
13. Grebnyak O.V. Opyt i perspektivy vnedreniya elektronnoy golosovaniya v izbiratelnyy sistem RF [Experience and prospects for implementing electronic voting in Russia’s electoral system]. *Tretyi dekabrskie sotsialno-politicheskie chteniya “Kak zhivesh, Rossiya?”*. *Vyzovy pandemii, parlamentskie vybory i strategicheskaya povestka dnya dlya obshchestva i gosudarstva*. Otv. red. V.K. Levashov. Moscow; 2022. (In Russ.).
14. Grishin O.E., Gudoshnikova O.E. “Novye media” i SMI kak instrumenty politicheskoy kommunikatsii: parametry effektivnogo funktsionirovaniya [“New media” and mass media as instruments of political communication: Parameters of effective functioning]. *Vestnik Universiteta*. 2015; 6. (In Russ.).
15. Dzyaloshinsky I.M. *Kommunikatsionnye protsessy v obshchestve: instituty i sub`ekty* [Communicative Processes in Society: Institutions and Subjects]. Moscow; 2012. (In Russ.).
16. Ermakov V.G. Vliyaniye politiki tsifrovizatsii na razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva v RF [The impact of digitalization policy on the development of civil society institutions in the Russian Federation]. *Srednerusskiy Vestnik Obshchestvennykh Nauk*. 2020; 1. (In Russ.).
17. Zotov V.V., Zakharov V.M., Sapryka V.A. Tsifrovizatsiya publichnogo upravleniya: elektronnaya demokratiya vs elektronnnoye pravitelstvo [Digitalization of public administration: Electronic democracy vs electronic government]. *Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2021; 46. (In Russ.).

18. Ivlev S.V. Sotsialno-politicheskie kommunikatsii v kontekste ideologicheskogo diskursa [Social-political communications in the context of ideological discourse]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye Nauki*. 2022; 15. (In Russ.).
19. Ilyin M.V. *Sovremennye teorii politiki* [Contemporary Political Theories]. Moscow; 2014. (In Russ.).
20. Castells M. *Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Ekaterinburg; 2004. (In Russ.).
21. Kisilev A.G., Kirichek P.N. Trendy politicheskoy kommunikatsii v kontekste sotsialnoy modernizatsii [Trends in political communication under social modernization]. *RUDN Journal of Sociology*. 2019; 19 (2). (In Russ.).
22. Klepikova I.V. Politicheskaya kommunikatsiya: sushchnost i osnovnye aspekty izucheniya [Political communication: Essence and main aspects of study]. *Vestnik SGEU*. 2018; 2. (In Russ.).
23. Klimova S.G., Klimov I.A. Vzaimodeystvie gorozhan s vlastyu: kompetentnoe uchastie i problema posrednikov [Interaction of citizens with the authorities: Competent participation and the issue of intermediaries]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 4. (In Russ.).
24. Kovrov M.A. Sistemny analiz setevoy politicheskoy kommunikatsii [System analysis of network political communication]. *Obshchestvo: Politika, Ekonomika, Pravo*. 2021; 6. (In Russ.).
25. Kovshov M.A. Zakonodatelnaya i predstavitel'naya vetvi vlasti s tochki zreniya setevoy politicheskoy kommunikatsii vlasti i obshchestva [Legislative and representative branches of government in the perspective of network political communication between government and society]. *Obshchestvo: Ekonomika, Pravo*. 2022; 2. (In Russ.).
26. Kostina E.A., Kostin A.V. Bariery ispolzovaniya servisov obratnoi svyazi na munitsipalnom urovne [Barriers to the use of feedback services at the municipal level]. *Zhurnal SFU. Gumanitarnye Nauki*. 2023; 16. (In Russ.).
27. Kuryachaya M.M. Elektronnoe golosovanie kak etap razvitiya neposredstvennoy de-mokratii [Electronic voting as a stage in the development of direct democracy]. *Konstitutsionnoe i Munitsipalnoe Pravo*. 2017; 11. (In Russ.).
28. Lasswell H.D. Garnizonnoe gosudarstvo [The garrison state]. *Sotsialnye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya II: Sotsiologiya*. 2021; 2. (In Russ.).
29. Lukin A.V. Politicheskaya kommunikatsiya: sushchnost, funktsii, protsessy [Political communication: Essence, functions, processes]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 2013; 3. (In Russ.).
30. McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoi kultury* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. Kyiv; 2004. (In Russ.).
31. Maltseva E.V. Politicheskaya kommunikatsiya: evolyutsiya teoreticheskikh podkhodov i analiz ih prakticheskoy realizatsii [Political communication: Evolution of theoretical approaches and analysis of their practical implementation]. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2014; 3. (In Russ.).
32. Mamontov M.Yu. Carl Schmitt i ego kontseptsiya politicheskogo [Carl Schmitt and his concept of the political]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2009; 1. (In Russ.).
33. Markuse H. Odnomerny chelovek [One-dimensional man]. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomerny chelovek*. Moscow; 2003. (In Russ.).
34. Melnikov A.V. Effektivnaya model politicheskoy sotsializatsii molodezhi [An effective model of the youth political socialization]. *Vlast*. 2016; 3. (In Russ.).
35. Merton R.K. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006. (In Russ.).
36. Moskvitina N.V. Tsifrovaya transformatsiya gosudarstvennogo upravleniya [Digital transformation of public administration]. *Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).

37. Nabatnikova E.A. DEG v Rossiyskoy Federatsii [REV in the Russian Federation]. *Umnaya Tsifrovaya Ekonomika*. 2022; 2 (1). (In Russ.).
38. Negulyaev S.V. Tsifrovizatsiya tekhnopolitiki sovместnogo upravleniya: keys platformy “Gosuslugi. Reshaem vmeste” [Digitalization of the techno-politics of joint governance: The case of the platform “State services. Let’s decide together”]. *Politika i Obshchestvo*. 2022; 2. (In Russ.).
39. Oleynikov S.S. Evolyutsiya predstavleniy o sushchnosti politicheskikh kommunikatsiy [Evolution of ideas about the essence of political communication]. *Pravo: Istoriya, Teoriya, Praktika*. Moscow; 2022. (In Russ.).
40. Osipova O.S., Bagdasarova R.A., Lukushin V.A. Sovremennyye media kak instrument sovershenstvovaniya dialoga vlasti i obshchestva [Contemporary media as a tool for improving the dialogue between government and society]. *Vestnik Finansovogo Universiteta. Gumanitarnyye Nauki*. 2021; 11. (In Russ.).
41. Parma R.V. Obshchestvennyy aktivizm rossiyskikh grazhdan v oflayn- i onlayn-prostranstvah [Public activism of Russian citizens in offline and online spaces]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2021; 6. (In Russ.).
42. Parsons T. *O sotsialnykh sistemakh* [The Social System]. Moscow; 2002. (In Russ.).
43. Pionery internet-vyborov [Pioneers of Internet elections]. 2020. URL: <https://wciom.ru/analytical-reports/analiticheskii-doklad/pionery-internet-vyborov>. (In Russ.).
44. Potekhina T.S. Kommunikatsionnyy potentsial v gosudarstvennom upravlenii [Communication potential in public administration]. *Voprosy Ustoychivogo Razvitiya Obshchestva*. 2019; 1. (In Russ.).
45. Reutov E.V., Brusnenskaya R.A. Mekhanizmy formirovaniya obratnoy svyazi v regionalnom i munitsipalnom upravlenii [Feedback mechanisms in regional and municipal governance]. *Nauchnye Vedomosti. BelGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 2010; 7. (In Russ.).
46. Sotsialnaya i politicheskaya aktivnost rossiyan: monitoring [Social and political activity of Russians: A monitoring]. 2021. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnaya-i-politicheskaya-aktivnost-rossijan-monitoring>. (In Russ.).
47. Suleymanova Sh.S. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom mire: rol i vliyanie [Political communication in the contemporary world: Role and influence]. *Voprosy Natsionalnykh i Federativnykh Otnosheniy*. 2021; 6. (In Russ.).
48. Tarde G. *Sotsialnaya logika* [Social Logic]. Saint Petersburg; 1996. (In Russ.).
49. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. Ot “umnogo regulirovaniya” k “umnomu upravleniyu”: sotsialnaya problema tsifrovizatsii obratnykh svyazey [From “smart regulation” to “smart management”: The social problem of digitalization of feedback]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2020; 1. (In Russ.).
50. Ushakov E.V. Kontseptsiya kontekstualnosti politicheskikh nauk H. Lasswella [H. Lasswell’s concept of the political science contextuality]. *Voprosy Politologii*. 2020; 10 (7). (In Russ.).
51. Fedoruk V.D. Perspektivy primeneniya sistemy distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii [Prospects for the application of the remote electronic voting in Russia]. *Tsifrovizatsiya Obshchestva: Sostoyaniye, Problemy, Perspektivy*. 2022; 2. (In Russ.).
52. Habermas J. Filosofskiy spor vokrug idei demokratii (Lektsiya vtoraya) [A philosophical debate about the idea of democracy (Lecture Two)]. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost*. Moscow; 1992. (In Russ.).
53. Khamutovskaya S. Novyye tekhnologii golosovaniya: zarubezhnyy opyt [New voting technologies: Foreign experience]. *Nauka i Innovatsii*. 2019; 5. (In Russ.).
54. Horkheimer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Moscow; Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
55. Tsaplin A.Yu. Perspektivy distantsionnogo elektronnoy golosovaniya v Rossii [Prospects for remote electronic voting in Russia]. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2016; 3. (In Russ.).

56. Sharkov F.I. Politicheskaya kommunikatsiya v sovremennom informatsionnom ob-shchestve [Political communication in the contemporary information society]. *Politbook*. 2012; 2. (In Russ.).
57. Schwab K. Globalizatsiya 4.0. Novaya arkhitektura dlya promyshlennoy revolyutsii [Globalization 4.0. A new architecture for the fourth industrial revolution]. *Eevraziyskaya Integratsiya: Ekonomika, Pravo, Politika*. 2019; 1. (In Russ.).
58. Schwarzenberger R.-J. *Politicheskaya sotsiologiya* [Political Sociology]: in 3 vols. Moscow; 1992. Vol. 1. (In Russ.).
59. Schmitt C. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. Saint Petersburg; 2016. (In Russ.).
60. Shorygina E.N. Osobennosti sotsialnoy kommunikatsii v sovremennom obshchestve [Features of social communication in the contemporary society]. *Zhurnal Nauchnykh Publikatsiy Aspirantov i Doktorantov*. 2019; 4. (In Russ.).
61. Shtrikov S.A. Elektronnyye portaly ispolnitelnykh organov gosudarstvennoi vlasti sub'ektov Rossiiskoi Federatsii kak instrument kommunikativnogo vzaimodeistviya: rezultaty empiricheskogo issledovaniya [Electronic portals of the state executive bodies in the constituent entities of the Russian Federation as a tool for communicative interaction: Results of the empirical study]. *Upravlencheskoe Konsultirovanie*. 2020; 3. (In Russ.).
62. Elias N. *Obshchestvo individov* [The Society of Individuals]. Moscow; 2001. (In Russ.).
63. Deutsch K.W. *The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control*. London; 1963.